

Невеста — эпизод 5 из 7

Вошла Надя в дом сердитая, нездоровая, думая о том, что весь вечер будут гости, что надо занимать их, улыбаться, слушать скрипку, слушать всякий вздор и говорить только о свадьбе. Бабушка, важная, пышная в своем шелковом платье, надменная, какую она всегда казалась при гостях, сидела у самовара. Вошел отец Андрей со своей хитрой улыбкой.

Имею удовольствие и благодатное утешение видеть вас в добром здоровье, сказал он бабушке, и трудно было понять, шутит это он или говорит серьезно.

Ветер стучал в окна, в крышу; слышался свист, и в печи домовой жалобно я угрюмо напевал свою песенку. Был первый час ночи. В доме все уже легли, но никто не спал, и Наде всё чуялось, что внизу играют на скрипке. Послышался резкий стук, должно быть, сорвалась ставня. Через минуту вошла Нина Ивановна в одной сорочке, со свечой.

Что это застучало, Надя? спросила она.

Мать, с волосами, заплетенными в одну косу, с робкой улыбкой, в эту бурную ночь казалась старше, некрасивее, меньше ростом. Наде вспомнилось, как еще недавно она считала свою мать необыкновенной и с гордостью слушала слова, какие она говорила; а теперь никак не могла вспомнить этих слов; всё, что приходило на память, было так слабо, ненужно.

В печке раздалось пение нескольких басов и даже послышалось: А-ах, бо-о-же мой! Надя села в постели и вдруг схватила себя крепко за волосы и зарыдала. Мама, мама, проговорила она, родная моя, если б ты знала, что со мной делается! Прошу тебя, умоляю, позволь мне уехать! Умоляю!

Куда? спросила Нина Ивановна, не понимая, и села на кровать. Куда уехать? Надя долго плакала и не могла выговорить ни слова.

Позволь мне уехать из города! сказала она наконец. Свадьбы не должно быть и не будет пойми! Я не люблю этого человека... И говорить о нем не могу.

Нет, родная моя, нет, заговорила Нина Ивановна быстро, страшно испугавшись. Ты успокойся это у тебя от нерасположения духа. Это пройдет. Это бывает. Вероятно, ты повздорила с Андреем; но милые бранятся только тешатся.

Ну, уйди, мама, уйди! зарыдала Надя.

Да, сказала Нина Ивановна, помолчав. Давно ли ты была ребенком, девочкой, а теперь уже невеста. В природе постоянный обмен веществ. И не заметишь, как сама станешь матерью и старухой, и будет у тебя такая же строптивая дочка, как у меня.

Милая, добрая моя, ты ведь умна, ты несчастна, сказала Надя, ты очень

несчастлива, зачем же ты говоришь пошлости? Бога ради, зачем?

Нина Ивановна хотела что-то сказать, но не могла выговорить ни слова, всхлипнула и ушла к себе. Басы опять загудели в печке, стало вдруг страшно. Надя вскочила с постели и быстро пошла к матери. Нина Ивановна, заплаканная, лежала в постели, укрывшись голубым одеялом, и держала в руках книгу.

Мама, выслушай меня! проговорила Надя. Умоляю тебя, вдумайся и пойми! Ты только пойми, до какой степени мелка и унизительна наша жизнь. У меня открылись глаза, я теперь всё вижу. И что такое твой Андрей Андреич? Ведь он же неумен, мама! Господи боже мой! Пойми, мама, он глуп!

Нина Ивановна порывисто села.

Ты и твоя бабка мучаете меня! сказала она, вспыхнув. Я жить хочу! жить! повторила она и раза два ударила кулачком по груди. Дайте же мне свободу! Я еще молода, я жить хочу, а вы из меня старуху сделали!..

Она горько заплакала, легла и свернулась под одеялом калачиком, и показалась такой маленькой, жалкой, глупенькой. Надя пошла к себе, оделась и, севши у окна, стала поджидать утра. Она всю ночь сидела и думала, а кто-то со двора всё стучал в ставню и насвистывал.

Утром бабушка жаловалась, что в саду ночью ветром посбивало все яблоки и сломало одну старую сливу. Было серо, тускло, безотрадно, хоть огонь зажигай; все жаловались на холод, и дождь стучал в окна. После чаю Надя вошла к Саше и, не сказав ни слова, стала на колени в углу у кресла и закрыла лицо руками.

Что? спросил Саша.

Не могу... проговорила она. Как я могла жить здесь раньше, не понимаю, не постигаю! Жениха я презираю, себя презираю, презираю всю эту праздную, бессмысленную жизнь...

Ну, ну... проговорил Саша, не понимая еще, в чем дело. Это ничего... Это хорошо.

Эта жизнь опостылела мне, продолжала Надя, я не вынесу здесь и одного дня. Завтра же я уеду отсюда. Возьмите меня с собой, бога ради!

Саша минуту смотрел на нее с удивлением; наконец он понял и обрадовался, как ребенок. Он взмахнул руками и начал притоптывать туфлями, как бы танцуя от радости.

Великолепно! говорил он, потирая руки. Боже, как это хорошо!

А она глядела на него не мигая, большими, влюбленными глазами, как очарованная, ожидая, что он тотчас же скажет ей что-нибудь значительное, безграничное по своей важности; он еще ничего не сказал ей, но уже ей казалось, что перед нею открывается нечто новое и широкое, чего она раньше не знала, и уже она смотрела на него, полная ожиданий, готовая на всё, хотя

бы на смерть.

Завтра я уезжаю, сказал он, подумав, и вы поедете на вокзал провожать меня... Ваш багаж я заберу в свой чемодан и билет вам возьму; а во время третьего звонка вы войдете в вагон мы и поедем. Проводите меня до Москвы, а там вы одни поедете в Петербург. Паспорт у вас есть?

Есть.

Клянусь вам, вы не пожалеете и не раскаетесь, сказал Саша с увлечением. Поедете, будете учиться, а там пусть вас носит судьба. Когда перевернете вашу жизнь, то всё изменится. Главное перевернуть жизнь, а всё остальное не важно. Итак, значит, завтра поедем?

О да! Бога ради!

Наде казалось, что она очень взволнована, что на душе у нее тяжело, как никогда, что теперь до самого отъезда придется страдать и мучительно думать; но едва она пришла к себе наверх и прилегла на постель, как тотчас же уснула и спала крепко, с заплаканным лицом, с улыбкой, до самого вечера.